

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ АВСТРАЛИИ:
СРЕДНЯЯ ДЕРЖАВА В ВЫСОКОКОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ**

© АЛЕШИН А.А., 2020

АЛЕШИН Александр Андреевич, младший научный сотрудник Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, РФ 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (aleshin.a@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7872-3298.

Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 63-75.
DOI: 10.20542/afj-2020-2-63-75

DOI: 10.20542/afj-2020-2-63-75**УДК:** 327(94)

Статья поступила в редакцию 30.04.2020.

На основании теоретических разработок представителей политического реализма выявляются модели внешнеполитического поведения Австралии как средней державы. Усиливающаяся геополитическая конкуренция великих держав вынуждает Австралию сместить фокус внимания на Индо-Тихоокеанский регион. В ответ на экономическую и военно-политическую экспансию Китая и относительное ослабление позиций США Австралия стремится сохранить свое влияние в Океании, балансировать Китай, сближаясь с государствами – членами АСЕАН, принимая участие в Четырехстороннем диалоге по безопасности (*Quad*), но сохраняя одновременно сотрудничество с КНР. Анализ системы союзов и договоров Австралии позволяет говорить о диверсификации ее внешней политики и стремлении соблюдать баланс сил в регионе.

Ключевые слова: стратегия внешней политики Австралии, Океания, безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе, средняя держава, политический реализм, теория международных отношений.

Внешнеполитическая стратегия Австралии обусловлена динамично меняющейся внешнеполитической и экономической средой. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является быстро развивающимся: в нем находится половина государств "Группы двадцати", в 2019 г. экспорт стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества составил почти половину мирового экспорта (9.4 трлн из 18.9 трлн долл. США) [1]. В АТР и Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) находится шесть ядерных держав, восемь стран из 15 с наибольшими в мире расходами на оборону [2, р. 2], 11 из 20 крупнейших импортеров вооружений [3, р. 6], шесть из 10 государств с мощнейшими армиями [4].

Как следствие динамичного экономического и военного развития в этой части мира наблюдается усиление конкуренции между государствами и рост конфликтности. Осью системы международных отношений в регионе в последнее десятилетие стало американо-китайское соперничество за экономическое, политическое и военное превосходство. Стратегическое значение приобрели морские и наземные торговые пути и ключевые торговые порты, используемые Китаем для развития проекта "Пояс и путь". В этой связи региональные акторы стремятся получить контроль над стратегически важными проливами и целыми районами. В регионе имеют место конфликты из-за морского и воздушного пространств, несущие, в частности, угрозы судоходству. Среди наиболее серьезных – территориальные споры целого ряда стран из-за островов Спратли, между КНР и Японией из-за островов Сенкаку,

противоречия между КНДР с одной стороны и Республикой Корея и ее союзником США, с другой, индо-пакистанский конфликт, милитаризация Южно-Китайского моря. Большие опасения вызывает присутствие значительных вооруженных сил двух сильнейших противостоящих друг другу держав – Китая и США. Важнейшим фактором, влияющим на стратегический динамизм, является глобальный проект КНР. В его рамках китайские инвесторы увеличивают свою долю на региональных рынках, приобретая и политическое влияние.

В такой нестабильной среде Австралия вынуждена перестраивать внешнеполитическую стратегию, десятилетиями основанную на второстепенности Азии в мировой политике и безусловном лидерстве главного союзника – Соединенных Штатов. В условиях усиления геополитического и экономического противостояния в регионе между ведущими державами – США, КНР, Индией, Японией, Индонезией – Австралия, будучи средней державой, ищет свое место между ними. В этой связи и вследствие ограниченности ресурсов, фокус ее внимания смещается с глобальных интересов в сторону региональных.

Задача данного исследования – рассмотреть внешнеполитическую стратегию Австралии на современном этапе, выделить в ней ключевые направления и на ее примере дать характеристику политике средней державы в высококонкурентной международной среде.

В исследовании использован дискурс-анализ для анализа изменений политического дискурса, а также контент-анализ для исследования стратегических документов. Основой работы послужил системно-исторический подход.

Фундамент источниковой базы исследования составили официальные стратегические документы правительства Австралии, среди которых “Сильная и защищенная: стратегия национальной безопасности Австралии” 2013 г. [5], Белая книга обороны 2016 г. [6], Белая книга внешней политики 2017 г. [7], предвыборные программы ведущих политических партий 2019 г. – Либеральной, Национальной и Лейбористской, а также выступления и заявления членов правительства.

СРЕДНИЕ ДЕРЖАВЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Термин “средняя держава” определяет статус государства в качестве актора международных отношений. Он обозначает страны, равноудаленные как от великих, так и от малых держав. Однако концептуализация статуса “средняя держава” представляется проблематичной: среди исследователей не существует единого подхода ни к определению самого термина, ни к критериям средней державы.

По мнению представителей реализма, под средними державами подразумеваются государства со средними значениями ВВП и совокупной военной мощи. Сторонники либеральной теории считают определяющими соответствующее поведение страны на международной арене – следование принципам дипломатии средней державы, а также тип политической системы [8, с. 173]. С точки зрения конструктивизма, имеет значение признание за страной статуса средней державы другими государствами, а также самопозиционирование средних держав. В марксистской теории аналогом средних держав могут послужить, в соответствии с классификацией И.М. Валлерстайна, государства “полупериферии”, состоящие в экономических отношениях со странами “центра” – в качестве эксплуатируемых, и со странами “периферии” – в качестве эксплуататоров.

Учитывая разницу подходов, можно констатировать наличие различных инструментов для классификации государств на малые, средние и великие державы (а также сверхдержавы). Исследователи выделяют три базовые модели такой классификации: иерархическая (позиционная), нормативная (функциональная) и поведенческая [8; 9]. В иерархической модели рассматриваются, в основном, подсчитываемые показатели, такие как ВВП, военная мощь, численность населения и др. Нормативная модель берет в расчет политическую культуру, регулятивные аспекты дипломатии, отношение других международных акторов, определяя степень вовлеченности государства в международные процессы, его национальные интересы и способность оказывать влияние в соответствии с ними. В поведенческой модели для

средней державы характерно соответствующее позиционирование себя в мировой политике, определенное внешнеполитическое кредо: стремление к многосторонним решениям международных проблем, компромиссные позиции, использование принципа “хорошего международного гражданства” (*Good international citizenship*), означающего лояльность установившимся в мировой политике правилам и выполнение международных обязательств [9, p. 75].

Ни одна из трех моделей не является универсальной и объективной. В иерархической показателях не связаны друг с другом, из-за чего сложно сравнивать разные государства. Нормативная модель субъективна, показатели в ней размыты и трудноизмеримы. Поведенческая построена на анализе общепризнанных средних держав, при этом не ясно, как их охарактеризовать при изменении внешнеполитического поведения. Многие исследователи сходятся на том, что лишь сочетание всех трех моделей наиболее объективно. Однако их баланс зависит от целей и задач исследования.

Австралия – одна из общепризнанных средних держав. Сами австралийские политики неоднократно высказывали соответствующие суждения, начиная с 1940-х годов [10, p. 70]. Лишь правительство премьер-министра Джона Говарда, возглавлявшего правящую Либеральную партию с 1996 по 2007 г., стремилось избежать термина “средняя держава”, заменив его на “ведущая держава” [8, с. 175]. Однако сменившее его правительство лейбористов под руководством Кевина Радда (2007–2010 гг., 2013 г.) и Джулии Гиллард (2010–2013 гг.) вновь вернуло его в обиход, говоря о дипломатии средней державы [11]. Действующий премьер-министр (с 2018 г.) и лидер Либеральной партии Скотт Моррисон разделяют такой подход к внешнеполитическому позиционированию Австралии [12]. Сегодня можно говорить о единстве в данном вопросе среди ведущих политических партий страны – Лейбористской, Либеральной и Национальной.

В научном сообществе также существует консенсус. В последнее десятилетие целый ряд авторов рассматривали “среднедержавность” Австралии [10; 11; 13; 14; 15]. Среди недавних работ примечательны две. Первая – исследование, выпущенное голландским Институтом международных отношений Клингендал (*Instituut Clingendael*) в конце 2019 г. [16] Его авторы анализируют все государства мира, используя вышеназванные модели. Австралия входит в группу средних держав по следующим группам критериев: численность населения, экономическая и военная мощь (иерархическая модель); размер дипломатической сети и членство в ключевых международных организациях (нормативная модель); приверженность глобальному развитию и соблюдению прав человека (поведенческая модель). Также Австралия была отнесена к четырем группам средних держав (из шести), вносящих значительный вклад в мировое развитие, а именно преуспевающих в сферах миротворчества, гуманитарной помощи, выполнения обязательств по проблемам беженцев, предотвращения конфликтов дипломатическими методами.

Вторая примечательная работа – исследование сотрудника Австралийского национального университета Эндрю Карра, опубликованное в сентябре 2019 г. Французским институтом международных отношений (*Institut Français des Relations Internationales, IFRI*) под названием “Больше не средняя держава. Стратегия Австралии в 21 веке” [17]. Автор утверждает, что сегодня внешнеполитическая и военная стратегии страны претерпевают изменения, а именно внимание концентрируется на “внутреннем кольце” – южной части Тихого океана (ЮТР – Южно-Тихоокеанский регион) и морском регионе Юго-Восточной Азии, и ослабляется на “внешнем” – ИТР целиком и остальном мире. По его мнению, это – свидетельство трансформации Австралии из средней в региональную державу. Называя данные изменения “нормализацией подхода к миру”, исследователь усматривает их причины в усилении конкуренции великих держав в Азии и Океании и в необходимости для Австралии балансирования между Китаем и США посредством схем торгового и стратегического партнерства в регионе.

Для анализа внешнеполитической стратегии Австралии как средней державы необходима концептуализация внешнеполитического поведения средних держав вообще. Реалистская теория международных отношений предлагает наиболее разработанный подход к классификации поведенческих моделей средних держав, выделяя две – политики балансирования и примыкания. Первая предполагает сдерживание сильного оппонента

путем противопоставления ему политических, военных или экономических инструментов, механизмов или организаций, а вторая – сближение с ним. После окончания холодной войны и ослабления военно-стратегического противостояния великих держав малые и средние державы получили больше возможностей балансирования внешних угроз и выгодного примыкания, использования различных инструментов международного права и институтов для создания гарантий собственного суверенитета перед лицом значительно превосходящих их в военном и экономическом плане игроков [18, с. 90].

В соответствии с теорией баланса угроз Стивена Уолта, балансирование – это создание альянса против источника угрозы, а примыкание – сближение с таковым [19]. Рэндалл Швеллер выделил четыре типа балансирования: собственно балансирование (создание противовеса государству-угрозе), сверхбалансирование (для повышения государством своей безопасности), небалансирование (пассивная дипломатия, а также примыкание) и недобалансирование (неэффективное балансирование либо бездействие) [20]. В своем исследовании мы постараемся выявить вышеназванные модели поведения Австралии как средней державы.

“ВНЕШНЕЕ КОЛЬЦО”

Австралия является развитым государством, 13-м в мире по размеру ВВП (в 2018 г.) [21] и расходам на оборону [2], четвертым в мире импортером вооружений [3], членом “Группы двадцати”, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и других международных объединений. Вследствие исторической культурной близости с англо-саксонскими странами она состоит в тесных экономических и политических отношениях с англоговорящими государствами, в первую очередь, с Соединенным Королевством, США, Новой Зеландией и Канадой. В этой связи закономерен ее статус военного союзника США, что подтверждается как двусторонними, так и многосторонними договорами и соглашениями в сфере безопасности.

Основными задачами национальной безопасности Австралии, согласно государственной доктрине, признаются защита и усиление суверенитета страны; безопасность и “стрессоустойчивость” населения; защита активов, инфраструктуры и институтов; развитие благоприятной для Австралии международной среды. Главные риски – шпионаж и иностранное вмешательство, нестабильность в развивающихся и слабых государствах, киберпреступность, распространение оружия массового уничтожения, организованная преступность, влияющие на интересы Австралии межгосударственные конфликты, терроризм [5]. Кроме этого, к основным факторам, которые будут влиять на внешнюю стратегическую среду до 2035 г., относятся отношения США и Китая, вызовы стабильности основанного на правилах миропорядка, усиление конкуренции великих держав, совершенствование военных технологий [6, pp. 40-41].

Правительство выделяет пять внешнеполитических задач. Первая – открытость и процветание Индо-Тихоокеанского региона, в котором соблюдаются права всех государств. Вторая – получение больших выгод для австралийского бизнеса во всем мире и противодействие протекционизму. Третья – защита австралийцев от угрозы терроризма. Четвертая – продвижение и защита международных правил, способствующих стабильности и процветанию и позволяющих государствам объединяться для противостояния глобальным угрозам. Пятая – “стрессоустойчивость” ЮТР и Восточного Тимора [7, р. 3].

Для решения этих задач Австралия стремится к кооперации со своими глобальными союзниками как на двусторонней основе, так и в международных организациях. Среди них – США, Великобритания, Европейский союз, Япония, Канада и Новая Зеландия. Австралия сотрудничает с НАТО, солидарна со своими союзниками в отношении России. Взаимодействие со странами Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки имеет большое значение в контексте укрепления многосторонности в международных отношениях [7, pp. 80-81].

В Белой книге внешней политики в качестве главной долгосрочной цели указывается обеспечение мирного развития ИТР без размывания существующих основополагающих принципов сотрудничества [7, р. 37]. При этом отмечается, что стратегический ландшафт Азии

трансформируется под влиянием стремительного экономического роста. С точки зрения правительства Австралии, будущий баланс сил в регионе зависит, в первую очередь, от стратегических устремлений США и Китая, во вторую очередь – от политики Японии и Индии, в третью – от внешнеполитических намерений достаточно влиятельных государств Юго-Восточной Азии, таких как Индонезия и Вьетнам.

Как развитая торговая экономика Австралия стремится к открытости рынков и к коммерческим отношениям, основанным на международных правилах, в первую очередь – условиях ВТО. Приоритетной считается поддержка следующих тенденций в ИТР: диалога и сотрудничества между государствами, разрешения споров в соответствии с международным правом, без применения силы или принуждения; развития открытости рынков; инклюзивности экономической интеграции и ее открытости для всех стран региона; соблюдения свободы навигации и полетов, защиты прав малых государств; глубокого вовлечения США в региональную экономику и безопасность, их участия в формировании региональных институтов и норм; признание ведущей роли Китая в укреплении регионального порядка, основанного на вышеперечисленных принципах [7, р. 38].

Использование региональными акторами экономического влияния в собственных стратегических целях противоречит интересам Австралии. В Белой книге внешней политики делается вывод о том, что торговля и инвестиции, которые в прошлом способствовали ограничению стратегического соперничества, теперь стимулируют его, что опосредованно ведет к милитаризации региона [7, р. 27].

Ключевым региональным конфликтом является противостояние США и Китая. Обострение их конкуренции представляет серьезную угрозу стабильности в этой части света. КНР все активнее претендует на роль не просто региональной, а супердержавы. Китай – важнейший торговый партнер и инвестор для большинства государств Индо-Тихоокеанского региона. Рост его политического и экономического влияния, а также увеличение и военно-техническое укрепление китайских вооруженных сил ведут к усилению и усложнению конкуренции. В ряде частей ИТР влияние и мощь КНР уже соизмерима или даже превосходит США. Несмотря на это политическое руководство в Канберре уверено, что Вашингтон в обозримом будущем сохранит свое глобальное лидерство, подкрепленное “жесткой” и “мягкой” силой, а долгосрочные интересы США будут способствовать стабилизации в ИТР, в частности, благодаря прочным военным альянсам с Японией, Южной Кореей и Австралией [7, pp. 25-27].

Союз с Соединенными Штатами принципиально важен для австралийской экономики, безопасности и обороны. В 2019 г. США заняли пятое место по экспорту Австралии и второе – по импорту. Товарооборот составил 35.1 млрд долл. США, увеличившись за 10 лет на 4.1 млрд [22]¹. Американцы обеспечивают 25% прямых иностранных инвестиций в Австралии, занимая по этому показателю первое место. Обе страны являются членами договора о коллективной безопасности АНЗЮС², разведывательного альянса “Пять глаз”³ а также Четырехстороннего диалога по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*)⁴. Ежегодно проводятся двусторонние министерские консультации *AUSMIN*. Вооруженные силы Австралии принимали участие в операциях США в Ираке и Афганистане. Между партнерами действует Соглашение о положении силы (*Force Posture Agreement*), по которому военнослужащие армии США проходят службу в Австралии. Стороны организуют ежегодные совместные учения с участием союзников *Talisman Sabre*. В соответствии с Договором о сотрудничестве в области торговли вооружениями активное взаимодействие ведут оборонные предприятия обеих стран [6, pp. 121-124]. Помимо Австралии, США поддерживает союзные отношения с рядом других государств в ИТР, в том числе Японией и Республикой Корея. В результате

¹ Здесь и далее статистика торговли взята с сайта *International Trade Centre*. Данные обновляются, дата обращения автора – 28.04.2020.

² *ANZUS* или Тихоокеанский пакт безопасности – военный союз Австралии, Новой Зеландии и США.

³ *Five Eyes* – разведывательный альянс специальных служб пяти государств: Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии и США.

⁴ *Quadrilateral Security Dialogue* – международный стратегический диалог в формате регулярных встреч по проблематике безопасности. Включает Австралию, Индию, США и Японию.

“создана сеть альянсов, играющая значительную роль в региональной безопасности” [7, р. 39]. Укрепляется и трехстороннее сотрудничество с Японией. Перечисленные факторы делают США не только главным союзником Австралии, но и гарантом ее безопасности. Этим объясняется солидарность Канберры с Вашингтоном по большинству международных вопросов.

Однако между сторонами существуют и противоречия. Так, в 2017 г. США вышли из Транстихоокеанского партнерства⁵. Напористая антикитайская политика администрации президента Дональда Трампа и ослабление позиций США в ИТР в связи с усилением КНР создают для Австралии необходимость коррекции внешнеполитического курса [23].

Япония считается “особым стратегическим партнером” Австралии. В 2019 г. она заняла второе место по экспорту Австралии и третье по импорту. Товарооборот составил 39.4 млрд долл. США, уменьшившись за 10 лет на 3.2 млрд. Страны сотрудничают в рамках единой зоны свободной торговли. Оба государства разделяют универсальные демократические ценности, выступают за открытую региональную экономику и верховенство закона, их также роднит стратегический союз с США. Австралия и Япония взаимодействуют по таким вопросам, как борьба с организованной преступностью, терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, решение гуманитарных проблем, морская и воздушная безопасность, охрана границ, разработка вооружений. В соответствии с Совместной декларацией о сотрудничестве в области безопасности 2007 г. (*Joint Declaration on Security Cooperation*) страны организуют совместные учения, обмен специалистами, ведут диалог по обороне и международным делам в формате “2 + 2” (министры обороны и иностранных дел), а также укрепляют трехсторонние сотрудничества с США и Индией [7, р. 41]. Несмотря на активные двухсторонние контакты, ключевую роль в военно-стратегическом взаимодействии Австралии и Японии играют их двухсторонние и трехсторонние отношения с США.

Индия является доминирующей морской державой в Индийском океане и играет значительную роль в морской безопасности, стабильности и противодействии терроризму в ИТР, что совпадает с интересами Австралии. В 2019 г. она заняла шестое место по экспорту Австралии и 16 место по импорту. Товарооборот составил 12.2 млрд долл. США, сократившись за 10 лет на 4.8 млрд. Двусторонняя торговля сталкивается с рядом препятствий, в первую очередь, правового характера. Много лет Индия стремилась инициировать переговоры о закупках австралийского урана, в итоге начавшиеся в 2017 г. Стороны до сих пор не пришли к единой позиции о будущей зоне свободной торговли. Индийским интересам противоречит развитие торговых отношений Австралии с Пакистаном, товарооборот между которыми вырос за 10 лет в 1.4 раза (с Индией же уменьшился в 1.4 раза), составив, однако, всего 0.7 млрд долл. США. Индия отказала Австралии в участии в учениях *Malabar 2018*, в которых Австралия участвовала в 2007 г., из-за китайских опасений возникновения “антикитайской коалиции” [24].

Тем не менее обе страны придерживаются демократических ценностей, имеют контакты в сфере образования, в Австралии проживает большая индийская диаспора. В 2014 г. между Австралией и Индией было заключено Рамочное соглашение по сотрудничеству и безопасности (*Framework for Security Cooperation*) в соответствии с которым раз в два года проводятся морские учения *AUSINDEX*, ведется сотрудничество в области морской безопасности, борьбы с терроризмом, разработки военных технологий [6, pp. 134-135]. С 2017 г. практикуются встречи по вопросам обороны в формате 2+2. Также укрепляется трехстороннее сотрудничество с Японией. Важным инструментом для повышения стабильности в регионе и достижения Австралией своих внешнеполитических целей стал упомянутый выше Четырехсторонний диалог по безопасности – неформальный стратегический диалог между Австралией, США, Японией и Индией, укрепляющий совместный военный потенциал. *Quad* был инициирован в 2007 г., однако приостановлен в 2008 г. после выхода из него Австралии (о причинах этого временного разрыва – ниже). Параллельно с диалогом проводились военные учения “Малабар”, и Австралия не принимала в них участия с момента выхода из *Quad*. В 2017 г. диалог был возобновлен, и с тех пор состоялось пять встреч. Согласно прогнозу динамики ВВП стран – участниц *Quad*, который представлен в

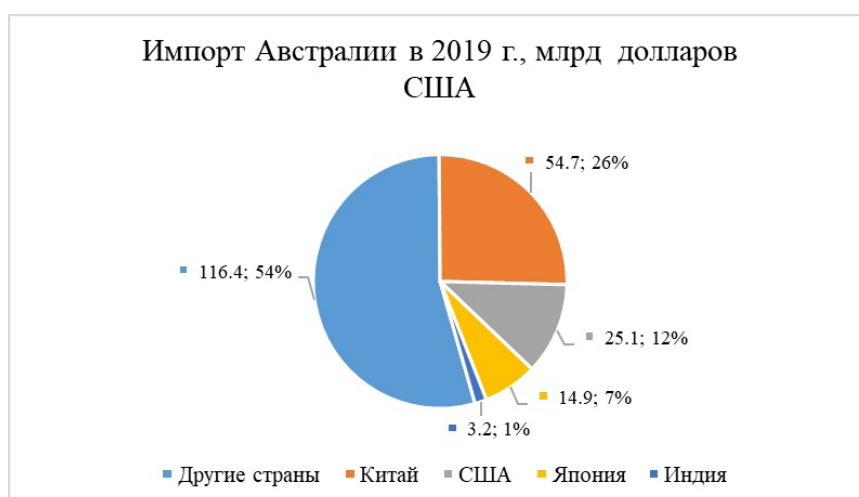
⁵ Преференциальное торговое соглашение между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

австралийской Белой книге внешней политики, объединенные экономические потенциалы четырех стран к 2030 г. на 10.5 трлн долл. США превысят ВВП Китая. Важным шагом стало подписание в 2018 г. соглашения о трехстороннем инфраструктурном сотрудничестве между Австралией, США и Японией (*Commitment to Indo-Pacific Infrastructure Development*). Оно позволило концентрировать и направлять инвестиции в сферы энергетики, транспорта, туризма и технологий. Несмотря на учреждение относительно небольшого инвестиционного фонда — 113 млн долл. США (для сравнения: рост расходов Китая на инициативу “Один пояс, один путь” в ближайшее десятилетие прогнозируется до 1.3 трлн долл.), у этого партнерства есть потенциал для развития [25].

По мнению многих аналитиков, главной, но не декларируемой открыто задачей *Quad* является создание противовеса Китаю. Однако исследование, опубликованное 16 марта 2020 г. американским Центром стратегических и международных исследований (*Center for strategic and international studies, CSIS*), показало неготовность политических элит государств – участников *Quad* к созданию постоянной общей военной группировки и секретариата. При этом поддержкой пользуются встречи лидеров на высшем уровне и координация региональной помощи в области экономики и развития [26, р. 2]. Данные опроса австралийских политических элит показали солидарность с союзниками по последним двум пунктам и несовпадение по первым двум. В частности, австралийцы, скорее, поддерживают создание секретариата *Quad* и заняли срединную позицию по вопросу создания постоянной общей военной группировки под единым командованием [26, pp. 5-6].

Отношения Австралии с Китаем складываются неоднозначно, что также свидетельствует о неопределенности положения страны-континента в регионе. В Белой книге внешней политики отмечено, что КНР способна оказывать влияние практически на все внешнеполитические и внешнеэкономические интересы Австралии. Китай в 2019 г. занял первое место по экспорту Австралии (33%) и первое по импорту (26%). Товарооборот составил 144 млрд долл. США, увеличившись за 10 лет в 1.6 раза или на 52 млрд. Между странами существуют соглашения о свободной торговле и о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Стороны тесно сотрудничают по вопросам борьбы с транснациональной преступностью, в сферах научных связей, студенческого обмена, туризма, миграции [7, р. 40]. Австралия является одним из учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Сторонами создан ежегодный Стратегический диалог по обороне (*Defence Strategic Dialogue*), происходят обмены специалистами, обсуждения стратегической политики, практические занятия военных, участие в контроле за морским судоходством, обсуждение проблем поддержания мира в регионе. С участием США в Австралии ежегодно проводятся трехсторонние военные учения “Ковари” [6, р. 133]. Австралия стремится продолжать сотрудничество с Китаем, начиная с вопросов энергетики и заканчивая правоохранительной деятельностью и безопасностью, а также развивать сеть министерских и других диалогов высокого уровня и использовать соглашение о свободной торговле для расширения возможностей бизнеса [7, р. 40].

Рисунок 1. Торговля Австралии со странами *Quad*, Китаем и остальным миром

Источник: составлено автором по данным: [22].

В 2008 г. Австралия выходила из формата *Quad* именно из-за опасения ухудшения отношений с Китаем. Избранный уже после учреждения *Quad* премьер-министр Кевин Радд стремился к перезагрузке отношений с Пекином. Он усмотрел перспективу превращения Австралии в посредника между Китаем и США путем налаживания партнерских связей с обеими странами. В действительности, влияние китайской экономики на Австралию является наибольшим среди стран четверки (рис. 1). Можно говорить даже о зависимости Австралии от экспорта в КНР, которая и делает нежелательным политическое охлаждение.

Однако в отношениях Австралии с Китаем существуют противоречия, которые после 2008 г. только нарастали. Все большее влияние на внутреннюю политику Австралии стали оказывать обучающиеся там китайские студенты и китайские спонсоры, входящие в контакт с местными политическими партиями [27]. В Белой книге внешней политики отражена негативная позиция по поводу китайского строительства в Южно-Китайском море. Это, а также намеки на нарушение Китаем международного права, вызвали недовольство у представителей КНР [28]. Об идеологических расхождениях двух стран высказалась в марте 2017 г. тогдашний министр иностранных дел Австралии Джулия Бишоп, заявив, что Китай – недемократическая страна, и поэтому нельзя ожидать от него разрешения внешнеполитических проблем в соответствии с международным правом [29]. Австралия опасается и китайского присутствия на юге Тихого океана. Также важно отметить, что с 2008 г. экономическая зависимость Австралии от Китая продолжала расти.

Четырехсторонний диалог по безопасности может помочь Австралии решить несколько политических проблем во “внешнем кольце”, учитывая первостепенность ИТР для ее стратегии. Во-первых, риторика *Quad* соответствует австралийскому видению проблем региона и благоприятствует укреплению международного права, морской безопасности и противодействия терроризму, в особенности в Южно-Китайском море. Во-вторых, *Quad* поможет усилить в регионе влияние США, будущее которого стало неопределенным. В-третьих, *Quad* содействует углублению связей с Индией, чей растущий экономический потенциал позитивно отражается на диверсификации австралийской торговли и ведет к снижению зависимости от Китая. В-четвертых, в составе *Quad* Австралия может способствовать развитию инфраструктурных и инвестиционных проектов в ЮТР, например, в рамках или по аналогии с японской Стратегией свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (*Free and Open Indo-Pacific*), и создавать при этом более тесные связи между государствами [30].

Австралия не готова идти на провокации по отношению к Китаю или на открытую конфронтацию с ним. Среди австралийских политиков ведутся серьезные споры по поводу целесообразности участия в *Quad*. Много зависит и от позиций других союзников, в первую очередь от США. При этом в случае развития невоенного сотрудничества членов диалога Австралия получит непереносимые экономические и политические выгоды от *Quad*, а ее подход к формату станет менее осторожным.

“ВНУТРЕННЕЕ КОЛЬЦО”

В условиях высококонкурентной международной среды и роста противоречий в АТР Австралия стремится к достижению роли регионального лидера в ЮТР. Важное значение здесь играют взаимоотношения с государствами – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Новой Зеландией, а также позиции в Океании.

Австралия претендует на позиции ведущего и стратегического партнера АСЕАН и ее членов в сферах экономики и развития. Ее товарооборот с участниками ассоциации составил в 2019 г. 56.3 млрд долл. США, сократившись за 10 лет на 2.4 млрд. Австралия занимает седьмое место по импорту и экспорту для объединения среди третьих государств. Стороны заинтересованы в развитии Всестороннего регионального экономического партнерства⁶ – крупной зоны свободной торговли в регионе, переговоры о создании которой ведутся с 2012 г. Австралия является участницей Восточноазиатского саммита, Совещания министров обороны АСЕАН+8. Между сторонами заключено соглашение о стратегическом партнерстве, раз в два года проводятся саммиты на уровне глав государств и правительств. Сегодня в диалоге с АСЕАН Австралия позиционирует себя в качестве движущей силы “высококачественного и всеобъемлющего” торгово-инвестиционного сотрудничества в АТР [31, с. 82]. Нейтральная повестка многостороннего диалога как основа заседаний АСЕАНцентричных диалоговых площадок является одним из ключевых механизмов, позволяющих ей удерживать свою политику от сильного крена в сторону США в ущерб сотрудничеству с Китаем [31, с. 86].

Главными партнерами Австралии в АСЕАН выступают Индонезия, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и Филиппины. С Индонезией заключено Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (*Comprehensive Economic Partnership Agreement*, 2019 г.), Соглашение об оборонительной кооперации (*Cooperation Agreement*, 2012 г.), Договор о взаимодействии в разведывательной сфере (*Joint Understanding on a Code of Conduct*, 2014 г.). Стороны проводят встречи министров обороны и иностранных дел в формате 2+2 и диалоги представителей вооруженных сил на разных уровнях.

Сингапур и Малайзия являются членами Оборонительного соглашения пяти держав (*Five Power Defence Arrangements*)⁷. С Сингапуром у Австралии существует Всеобъемлющее стратегическое партнерство (*Comprehensive Strategic Partnership*, 2015 г.), а с Малайзией подписана Совместная декларация по стратегическому партнерству (*Joint Declaration of Strategic Partnership*, 2015 г.) [6, pp. 125-131].

Глубокие экономические, политические и оборонительные связи Австралия поддерживает с Новой Зеландией, которая, как и сама Австралия, в прошлом была британской колонией, а сейчас входит в Содружество. Их сближает культурная общность и схожие внешнеполитические интересы. В импорте и экспорте Новой Зеландии Австралия занимает второе место после Китая. Обестраны являются членами зоны свободной торговли AANZFTA⁸, Всестороннего регионального экономического партнерства, Тихоокеанского соглашения о близком экономическом партнерстве плюс⁹, Транстихоокеанского партнерства, Совещания министров обороны АСЕАН+8, Оборонительного соглашения пяти держав, состоят в союзнических отношениях с США, будучи членами договора АНЗЮС и альянса “Пять глаз”. Два государства совместно участвовали в операциях в Ираке, на Соломоновых островах и гуманитарных миссиях.

Стабильность и процветание островных государств ЮТР и Восточного Тимора имеют стратегическое значение для Австралии, защиты ее северной границы и исключительной экономической зоны. Три приоритета страны в субрегионе: развитие экономической кооперации и интеграции как между островными государствами ЮТР, так и вместе с

⁶ Участники Всестороннего регионального экономического партнерства (*Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*): государства – члены АСЕАН, Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония.

⁷ Пакет оборонных соглашений Австралии, Великобритании, Малайзии, Новой Зеландии, Сингапура.

⁸ Включает страны АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию.

⁹ PACER, включает Австралию, Новую Зеландию, Тихоокеанские островные государства.

Австралией и Новой Зеландией; противостояние вызовам безопасности с акцентом на проблемах на морях; укрепление связей между людьми, их профессиональных и лидерских качеств [7, p. 99].

Австралия стремится играть ведущую роль в субрегионе, контролировать происходящие в нем процессы. В Белой книге внешней политики, в частности, сказано, что Австралия будет привлекать внешних партнеров и побуждать их работать для укрепления сотрудничества, строительства устойчивой экономики и поддержания стабильности в регионе; поощрять ответственное кредитование и соблюдение приоритетов, определенных региональными правительствами и Форумом тихоокеанских островов (ФТО) [7, p. 100].

Для влияния на государства ЮТР Австралия использует экономические, политические и военные инструменты. К первым относится работа в рамках Форума тихоокеанских островов, двусторонние соглашения с государствами, многостороннее участие в гуманитарных миссиях или полицейских операциях (например, полицейской части Миссии региональной поддержки Соломоновых островов¹⁰), образовательные программы и обмен опытом государственного управления. Ко вторым – финансовая помощь, инвестиции, Тихоокеанское соглашение о близком экономическом партнерстве плюс, Тихоокеанская схема труда¹¹ и другие программы. Военные инструменты основываются на работе ФТО и встречах министров обороны ЮТР и реализуются в Программе оборонительного сотрудничества, Программе тихоокеанских патрульных кораблей, межправительственных договоренностях и многосторонних военных операциях. Однако сегодняшний подход Канберры к государствам ЮТР недостаточно эффективен. По мнению австралийского исследователя Джоанны Уэллис, Австралия – скорее, партнер региона, а не региональная держава. Она называет три причины этого: нацеленность местных государств на сохранение суверенитета, недостаточное стремление Австралии к обретению влияния и растущая независимость государств региона в период геополитических изменений [32].

Если первые два фактора субъективны, то третий актуализируется в процессе потери США своих позиций в субрегионе и активизации здесь Китая [33]. Сегодня китайский капитал играет значительную роль в этой зоне, вытесняя конкурентов из США и Австралии. Предоставление китайских кредитов сопровождается массовой миграцией китайцев в островные государства. Пекин инициирует переговоры о стратегическом партнерстве и военном сотрудничестве. Увеличение китайских диаспор и бизнеса может подтолкнуть КНР к необходимости обеспечения безопасности своих граждан, как продемонстрировали примеры эвакуаций на Соломоновых островах, в Восточном Тиморе и в Тонга [34], что приведет к очередным попыткам укрепиться в регионе. С аналогичным вызовом сталкивается и сама Австралия.

* * *

Сегодня АТР в целом и ИТР в частности являются зоной политической турбулентности, высокой экономической динамики и потенциальных военных конфликтов. В условиях усиливающегося геополитического противостояния ключевых держав региона, в число которых входят два экономически сильнейших государства мира, Австралия вынуждена менять свою внешнеполитическую стратегию и политику безопасности и обороны. Концентрация на внутрирегиональной трансформации негативно сказывается на ее глобальном статусе средней державы. В статье 2014 г. А. Карр сформулировал следующее определение средней державы: это государство, способное самостоятельно обеспечивать собственную оборону, не имеющее при этом достаточных возможностей для принуждения других государств; способное формировать отдельные части системы международных отношений таким образом, чтобы они отвечали его интересам, но не всю структуру мировой политики [10]. Вывод о понижении статуса Австралии как актора международных отношений, сделанный в вышеупомянутом исследовании автора 2019 г. [17], говорит о том, что возможности Австралии существенно изменились.

¹⁰ *Regional Assistance Mission to Solomon Islands (RAMSI)*, 2003–2017 гг.

¹¹ *Pacific Labour Scheme*, позволяет работникам из государств региона работать в Австралии.

При этом в регионе Австралия демонстрирует все модели внешнеполитического поведения средней державы, описанные в первом разделе настоящей статьи. Главным государством-угрозой для Австралии является Китай. Ее военные союзы с США, Новой Зеландией и Великобританией стали проявлением сверхбалансирования. Участие в *Quad*, отношения с АСЕАН – это балансирование Китая. Примыкание Австралия демонстрирует своим стратегическим партнерством как с США, так и с КНР. Квинтэссенцией этой политики можно назвать учения “Ковари” на ее территории с участием обеих великих держав. Политику же в ЮТР можно охарактеризовать как недобалансирование, так как Австралия не справляется с ролью субрегионального лидера без поддержки США.

Рисунок 2. Действующие двусторонние договоры Австралии с некоторыми странами

Источник: составлено автором по данным: [35].

Исходя из данных рис. 2, можно сделать вывод о диверсификации австралийской политики и стремлении Канберры соблюдать баланс, не допуская ни крена собственной политики в сторону какого-либо партнера, ни усиления одной из держав в регионе. Обострение конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе требует концентрации усилий австралийской внешней региональной политики в ущерб глобальным связям. Однако данный подход органичен для Австралии: на протяжении своей истории ее глобальное влияние строилось в основном на поддержке великих держав – сначала Великобритании, потом США. С ослаблением позиций США в ИТР и усилением Китая Австралия, вероятно, частично потеряет влияние в мире. Одновременно она получит дополнительные возможности в ИТР, выступая – от случая к случаю – нейтральной державой, последовательным партнером, верным союзником, драйвером экономического развития, инициатором многостороннего политического взаимодействия. В любом случае сегодня Австралия по большинству критериев остается средней державой с соответствующей этому статусу моделью и стратегией внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. WTO Data Portal. Available at: <https://timeseries.wto.org/> (accessed 24.04.2020).
2. Tian N., Kuimova A., Da Silva D.L., Wezeman P.D., Wezeman S.T. Trends in World Military Expenditure, 2019. SIPRI Fact Sheet, April 2020. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf (accessed 27.04.2020).
3. Wezeman P.D., Fleurant A., Kuimova A., Da Silva D.L., Tian N., Wezeman S.T. Trends in International Arms Transfers, 2019. SIPRI Fact Sheet, March 2020. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019.pdf (accessed 24.04.2020).

4. 2020 Military Strength Ranking. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed 24.04.2020).
5. Strong and Secure. A Strategy for Australia's National Security. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/167267/Australia%20A%20Strategy%20for%20National%20Securit.pdf> (accessed 27.04.2020).
6. Defence White Paper 2016. Available at: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/docs/2016-defence-white-paper.pdf> (accessed 27.04.2020).
7. Foreign Policy White Paper 2017. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2017/australia_2017_foreign_policy_white_paper.pdf (accessed 27.04.2020).
8. Жуковская Н.Ю. "Средние державы" как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта. *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*, 2018, т. 23, № 1 (171), сс. 172-178. [Zhukovskaya N.Yu. "Srednie derzhavy" kak element sovremennoi mirovoi sistemy: k voprosu o teoreticheskom osmyslenii kontsepta ["Middle Powers" as an Element of the Modern World System: on the Issue of Theoretical Understanding of the Concept]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 23, no. 1 (171), pp. 172-178.]
9. Chapnik A. The Middle Power. *Canadian Foreign Policy Journal*, 1999, vol. 7, no. 1, pp. 73-82. DOI: 10.1080/11926422.1999.9673212
10. Carr A. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, no. 1, pp. 70-84. DOI: 10.1080/10357718.2013.840264
11. Beeson M. Can Australia Save the World? The Limits and Possibilities of Middle Power Diplomacy. *Australian Journal of International Affairs*, 2011, vol. 65, no. 5, pp. 563-577. DOI: 10.1080/10357718.2011.607149
12. Morrison S. "Where We Live" Asialink Bloomberg Address. Speech 26 Jun 2019. Available at: <https://www.pm.gov.au/media/where-we-live-asialink-bloomberg-address> (accessed 22.04.2020).
13. Gilley B. Middle Powers during Great Power Transitions China's Rise and the Future of Canada-US Relations. *International Journal*, 2011, vol. 66, no. 2, pp. 245-264. DOI: 10.1177/0020702011106600202
14. Manicom J., O'Neil A. China's Rise and Middle Power Democracies: Canada and Australia Compared. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 199-228. DOI: 10.1093/irap/lcs002
15. Tow W.T., Rigby R. China's Pragmatic Security Policy: The Middle Power Factor. *The China Journal*, 2011, vol. 65, pp. 157-179. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25790562> (accessed 22.04.2020).
16. Oosterveld W., Torossian B. *Balancing Act The Role of Middle Powers in Contemporary Diplomacy*. Available at: <https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/> (accessed 20.04.2020).
17. Carr A. *No Longer a Middle Power. Australia's Strategy in the 21st Century*. Ifri, Septembre 2019. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/carr_australia_middle_power_2019.pdf (accessed 23.04.2020).
18. Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств. *Международные процессы*, 2014, т. 12, № 4 (39), сс. 88-100. [Skriba A.S. Balansirovanie malyykh i srednikh gosudarstv [Balancing Small and Medium States]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2014, vol. 12, no. 4 (39), pp. 88-100.]
19. Walt S. *The Origins of Alliances*. Cornell University Press, 1990. 336 p.
20. Schweller R.L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton University Press, 2006. 200 p.
21. *World Bank Open Data*. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed 23.04.2020).
22. *International Trade Centre*. Available at: <https://www.trademap.org> (accessed 28.04.2020).
23. Schreer B. Why US-Sino Strategic Competition is Good for Australia. *Australian Journal of International Affairs*, 2019, vol. 73, no. 5, pp. 431-448. DOI: 10.1080/10357718.2019.1632261
24. Sundaramurthy A. India Keeps Australia Out of the Malabar Exercise – Again. *The Diplomat*, 08.05.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/05/india-keeps-australia-out-of-the-malabar-exercise-again/> (accessed 27.04.2020).
25. *Japan, U.S. and Australia Plan Infrastructure Push to Counter China in Indo-Pacific*. Available at: <https://www.jpantimes.co.jp/news/2018/07/31/national/politics-diplomacy/japan-u-s-australia-plan-infrastructure-push-counter-china-indo-pacific/#.W5jS5ugzaUk> (accessed 12.04.2020).
26. Buchan P.G., Rimland B. *Defining the Diamond: The Past, Present, and Future of the Quadrilateral Security Dialogue*. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200312_BuchanRimland_QuadReport_v2%5B6%5D.pdf?fuRA6mwjWYKqROtSmJD4u5ct.vjkdZv (accessed 28.04.2020).
27. Eisentraut S., Gaens B. *The US-Japan-India-Australia Quadrilateral Security Dialogue*. FIIA, 21.05.2018. Available at: <https://www.fia.fi/en/publication/the-us-japan-india-australia-quadrilateral-security-dialogue> (accessed 12.04.2020).
28. Needham K. Australian White Paper "Irresponsible" Says Chinese Foreign Ministry. *The Sydney Morning Herald*, 23.11.2017. Available at: <https://www.smh.com.au/world/australian-white-paper-irresponsible-says-chinese-foreign-ministry-20171123-gzretp.html> (accessed 12.04.2020).
29. Laurenceson J. *Australia-China Bilateral Relations: How Did We Get Here?* Available at: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/australia-china-bilateral-relations/> (accessed 12.04.2020).
30. Brewster D. A. "Free and Open Indo-Pacific" and What It Means for Australia. 07.03.2018. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/free-and-open-indo-pacific-and-what-it-means-australia> (accessed 12.04.2020).
31. Канаев Е.А., Бумки Б. Сотрудничество АСЕАН с Австралией и безопасность на морях АТР. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2018, т. 1, № 1 (38), сс. 76-88. [Kanaev E.A., Bumki B. Sotrudnichestvo ASEAN s Avstraliei i bezopasnost' na moryakh ATR [ASEAN Cooperation with Australia and Asia-Pacific Security]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2018, vol. 1, no. 1 (38), pp. 76-88.]

32. Wallis J. *Pacific Power? Australia`s Strategy in the Pacific Islands*. Clayton, Melbourne University Publishing, 2017. 488 p.
33. Пале С.Е. Закат "Тихоокеанской державы": США стремительно теряют вес в Океании. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2017, № 36, сс. 58-68. [Pale S.E. Zakat "Tikhookeanskoi derzhavy": SShA stremitel'no teryayut ves v Okeanii ["Pacific Power": US Is Rapidly Losing Weight in Oceania]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2017, no. 36, pp. 58-68.]
34. Brewster D. China's Moves in Vanuatu: What Should Australia Do? *The Diplomat*, 12.04.2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/04/chinas-moves-in-vanuatu-what-should-australia-do/> (accessed 12.04.2020).
35. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/> (accessed 22.04.2020).

**AUSTRALIAN FOREIGN POLICY STRATEGY:
MIDDLE POWER IN A HIGHLY COMPETITIVE ENVIRONMENT
(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2020, no. 2, pp. 63-75)**

Received 30.04.2020.

Alexander A. ALESHIN (aleshin.a@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7872-3298,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Australia's foreign policy strategy is driven by the dynamically changing foreign and economic environment in the Asia-Pacific region. The increasing geopolitical competition of great powers is forcing Australia to shift its focus to the Indo-Pacific region (IPR). At the same time, the concentration on intraregional transformation negatively affects its global status as a middle power. With the weakening in the IPR position of its main military-political ally – the United States – Australia is looking for a new place in regional politics. In response to China's economic and military-political expansion, Australia seeks to maintain its influence in Oceania and balance China in IPR, drawing closer to ASEAN member states on economic and security issues. One of the most effective tools of deterrence China is Quad. This format contributes to the intensification of economic and political cooperation of Australia with its participants, primarily with India. However, Australia is not ready to go for provocations against China or for an open confrontation with it due to the existence of deep economic ties between the parties, therefore its approach to Quad remains cautious. At the same time, Australia is strengthening dialogue and political cooperation with China, despite contradictions on ideology, regional security and competition for influence in Oceania.

The article conceptualizes the status of "middle power" and proves the possession of Australia by this status. Based on the theoretical developments of the representatives of political realism in the theory of international relations, the foreign policy behavior of Australia as a middle power is revealed. An analysis of Australia's system of alliances and treaties allows us to talk about diversifying its foreign policy and striving to maintain a balance, avoiding either a roll of its own policy towards any partner, or strengthening one of the powers in the region. With the weakening of the United States, Australia is gaining additional opportunities in IPR, acting from case to case – as a neutral power, a consistent partner, a loyal ally, a driver of economic development, initiator of multilateral political interaction. Despite the decrease in Australia's subjectivity in the global system of international relations, today, by most criteria, it remains a middle power with a corresponding to this status model and foreign policy strategy.

Keywords: Australian foreign policy strategy, Oceania, security in the Indo-Pacific, middle power, political realism, theory of international relations.

About the author:

Alexander A. ALESHIN, Junior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems.

DOI: 10.20542/afj-2020-2-63-75